

не равноценно требованию их возврата. Ответ на вопрос, зачем ворошить давнее прошлое, как правило, абстрактен: «Уважение должно быть». Судя по контексту, под уважением понимается, прежде всего, интерес со стороны русских (русскоязычных) к культуре коренного башкирского народа. Активистка рассказывала об образовательной деятельности общества «Дуслык»: «Русские люди хотят изучать башкирский язык. Я говорю: “Вам зачем это?” Они: “У нас друзья башкиры”. Им было интересно это. И вот мы с ними и песни пели, и азбуку нашли, и писать, и читать. Буквари привезли с Малояза...».

Уральский регион в целом можно считать образцом добрососедского сосуществования многих народов. В отношениях этих, конечно, имеются нюансы, и проведенное исследование показывает, сколь долго способна воздействовать на них память о важных исторических вехах. Кыр-кудейские башкиры из Яхино помнят сами и напоминают русским соседям о несправедливости отчуждения родовых земель в пользу Усть-Катавского завода. Участие предков в восстании Салавата Юлаева составляет предмет их гордости. Урман-кудейские башкиры из Мулдакаево не считают условия продажи своих земель для Катав-Ивановского завода несправедливыми, их предки не примкнули к войску Салавата и не пострадали от карателей. К тому же на своем нынешнем месте мулдакаевцы обосновались позже ближайших русских соседей — бедярышенцев и занятую ими землю считают лишь абстрактно-башкирской, но не своей родовой, утраченной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Асфандияров, А.З.** История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий [Текст] / А.З. Асфандияров. — Уфа: Китап, 2009. — 744 с.

2. **Ахмедьянов Х.Н.** Салауат таши – Мулдакай – Йэй таши территорий [Текст] / Х.Н. Ахмедьянов // Таулы тэйэгезебз — Белорет: изел башы хахында бэйэн: мэкэлэлэр, истэлэктэр, риүгэйэттэр, шигырзар, йырзар, фотолар. — Өфө: Китап, 2011. — 206 с.

3. **Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.** [Текст]: Энциклопедия / Гл. ред. В.В. Алексеев. — Екатеринбург: Академкнига, 2001. — 536 с.

4. **Устьянцев, С.** Катавский феномен [Текст] / С.В. Устьянцев. — Екатеринбург, 2007. — 144 с.

5. **Мукомолов, А.Ф.** На южноуральских заводах [Текст] / А.Ф. Мукомолов. — М.: Территория, 2001–. Кн. VI: 1922–1952. — 2007. — 496 с.

6. **Кузеев, Р.Г.** Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения [Текст] / Р.Г. Кузеев. — М.: Наука, 1974.

V.A. Shkerin

The Memory of the Alienation of Tribal Lands and the Modern Russo-Bashkir Relations

Shkerin Vladimir Anatol'evich, Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg; e-mail: shkerin_uit@mail.ru.

Abstract. The article analyzes the influence of the memory of important but long-standing historical events (loss of ancestral land, participation in the uprisings of the XVIII century) on modern interethnic relations. The study was carried out on field materials, collected in the places of long-term cohabitation of the Russian and Bashkir population in the Southern Urals.

Keywords: Russian, Bashkir, interethnic relations, historical memory, the South Urals, Russia, XVIII–XX centuries.

УДК 94(47+57)

Г.Н. ШУМКИН¹

ОСОБЕННОСТИ СОСЛОВНОЙ СТРУКТУРЫ ФРОНТИРНЫХ ПРОСТРАНСТВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА²

Аннотация. В работе предпринимается попытка выделить специфику социально-правовой структуры фронтальных территорий России в середине XIX века. Сделан вывод о том, что казаки и инородцы могут рассматриваться в качестве достаточно надежных маркеров фронта. Границы фронтальных территорий определяются локализацией этих социальных групп.

Ключевые слова: фронт, социальные группы, Россия, казаки, инородцы.

1 Шумкин Георгий Николаевич, канд. ист. наук, старший научный сотрудник ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург; e-mail: shumk@mail.ru.

2 Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Фронтальная модернизация в России имперского периода: модели развития и закономерности трансформации» № 18-09-00427А.

Сословная структура Российской империи середины XIX в., как правильно отметил Г. Фриз, отличалась аморфностью и сложностью [1, с. 154]. По разным оценкам, накануне отмены крепостного права в России насчитывалось от 90 до 400 «состояний» (сословных групп). Такая сложная структура была обусловлена целым рядом причин, но среди них выделяются две: политика государства, нацеленная на создание специальных сословий для выполнения определенных функций (например, казаки, ямщики, мастеровые и т. п.), и включение в состав России территорий, обладавших своими правовыми традициями и своими специфическими социальными структурами. Как следствие, большинство сословных групп были распространены на ограниченном пространстве. Например, в работе П.И. Кеппена, посвященной анализу результатов IX ревизии (1850 г.), насчитывается 403 состояния. Из них 285 состояний (70%) встречались только в одной губернии (или области), 32 состояния — в двух губерниях, 22 — в трех, 14 — в четырех губерниях. Самую обширную географию, согласно материалам данной работы, имели государственные крестьяне (47 губерний), дворовые люди (50 губерний), мещане и цеховые (51 губерния) и купцы (54 губернии) [2]. Конечно, результаты ревизии не отличаются ни полнотой (например, в ревизию не включались представители привилегированных сословий, поэтому потомственные дворяне фиксируются только в семи губерниях — дворянин мог вступить в купеческое звание, при этом он не утрачивал своего статуса, но он должен был, как купец, платить ежегодную подать, т. е. становился объектом ревизии); ни точностью (представители одной сословной группы могли быть зафиксированы под разными названиями). Но эти недостатки не отменяют того факта, что большое число состояний было локализовано в ограниченном пространстве одной или нескольких губерний.

Ранее нами была предпринята попытка выделить пространственную структуру сословных групп в России середины XIX века. Всего было выявлено 16 социальных ландшафтов — территорий, обладающих специфичной социальной структурой: Финляндия; Польша; Кавказ; владения Российско-Американской компании; Сибирь; Урал; «южный фронт» (Астраханская и Ставропольская губернии); земли Донского и Черноморского казачьих войск; Таврия; Малороссия; губернии, «от Польши возвращенные»; Бессарабия; Прибалтика; столица с С.-Петербургской губернией; губернии Русского Севера и Центральная Россия [3]. Остается невыясненным, как соотносились между собой эти социальные ландшафты и какие

функции они выполняли в пространстве Российской империи. В социальных науках и географии, как правило, применяется простая схема структурирования пространства — выделение центра и периферии. Однако и внутри центра, и внутри периферии могут быть области, различающиеся по функциям и направлению развития; в зоне периферии можно выделить, по крайней мере, зоны фронтального освоения. В данной работе предпринимается попытка выделить специфику социально-правовой структуры фронтальных территорий России в середине XIX в. и на основании этого — границы российского фронта.

Термин «фронт» был введен Ф.Дж. Тернером в конце XIX века. Изначально им обозначалось «пограничье» — неустойчивый рубеж между землями «цивилизованного» и «нецивилизованных» обществ, который, по мере того как все новые земли захватываются «цивилизованным» обществом, постепенно сдвигается все дальше вглубь территорий «нецивилизованных» обществ [4]. В начале XXI в. этот термин получил широкое распространение, однако его содержание несколько изменилось. В отечественной историографии под «фронтиром» чаще подразумевается не само неустойчивое пограничье, а то пространство, которое «цивилизованное» общество уже присоединило и осваивает, и, пока социальные, экономические, административные структуры данной территории отличаются от структур «старых», «коренных» земель колонизирующей цивилизации, эти территории считаются фронтальными [5]. В этой работе речь пойдет о фронте во втором значении.

Различия в социальных структурах «коренных» и фронтальных земель проявляются в специфических социальных группах, выступающих в качестве маркера фронтальных пространств. Главным маркером фронта являются группы аборигенного населения и группы, обеспечивающие контроль государства за этой территорией. Определим эти группы и регионы их локализации по Своду законов Российской империи редакции 1857 года.

Инородцы — местное население, проживавшие на территории до ее включения в состав России. Оно обладало своей особой культурой, правовыми традициями, представлениями о социальном порядке, устройстве общества, хозяйственном укладе, поэтому за ними могли сохраняться определенная автономия, а также особые права и обязанности. В законодательстве имеется несколько перечней этнических сообществ, включенных в категорию инородцев. В «Уставе о состояниях» перечислялись пять групп:

«1) Сибирские инородцы вообще и в особенности Сибирские киргизы (казахи); 2) Самоеды (ненцы) в Мезенском уезде Архангельской губернии обитающие; 3) Кочевые инородцы Ставропольской губернии; 4) Калмыки в Астраханской и Ставропольской губерниях; 5) Евреи» (поскольку евреи, обязаны были приписываться к одному из состояний «российских обывателей» — к городским или сельским сословиям; рассматривать их в качестве маркера фронта нецелесообразно). В примечании упоминались «инородцы, обитающие в местах, предоставленных Российско-Американской компании» и некие «прочие инородцы» [6, ст. 1208]. В «Учреждении управления инородцев» приведен перечень регионов, на которые распространяется данный кодекс: губернии и области Сибири, а также Архангельская, Астраханская, Оренбургская, Ставропольская и Таврическая губернии [7, с. 1].

В законодательстве инородцы по степени оседлости делились на три группы: оседлых (земледельцев и горожан), кочевых («имевших оседлость, хотя и постоянную, но по временам года переменяемую») и бродячих. Оседлые инородцы, «имея равные права с россиянами», не подлежали «никаким исключениям в зависимости от установленного начальства» [7, с. 68]. Специфичные институты управления распространялись преимущественно на кочевых и бродячих инородцев. Причем, по сравнению с «Уставом о состояниях», «Учреждение управления инородцев» предусматривало особый порядок управления для большего числа сообществ. Помимо инородцев Сибири (вместе с сибирскими киргизами), самоедов Мезенского уезда и инородцев Ставропольской и Астраханской губерний, здесь упоминались инородцы Таврической губернии, киргизы Внутренней орды и киргизы, кочевавшие за Оренбургскими линиями.

Пограничное положение фронтальных территорий, постоянные угрозы набегов кочевников и восстаний покоренных народов требовали постоянного присутствия милитаризованных социальных групп, призванных поддерживать на колонизируемой территории порядок, удерживать и охранять пограничье — казаков. Казаки имели двойную систему управления — военную (изложенную в Своде военных постановлений) и гражданскую. Законы о гражданском управлении казачьими войсками изложены в шестом разделе — «Учреждение гражданского управления казаков» второй части второго тома Свода законов Российской Империи. Принципы организации самоуправления отражены в четвертом разделе «О службе по выборам в казачьих войсках» «Устава службы

по выборам» [8]. К середине XIX в. в России имелись следующие казачьи войска: Донское, Новороссийское, Азовское, Черноморское, Кавказское линейное, Астраханское, Оренбургское, Уральское, Башкирское войска, казаки Сибири (городовые казаки, Тобольский пеший батальон и Тобольский конный полк, Иркутский и Енисейский конные полки, Сибирское линейное казачье войско, Забайкальское казачье войско и Камчатская казачья команда) и закавказские маафы (мусульмане Закавказья, находившиеся на правах казаков). Название «казаки» сохранялось за Малороссийскими казаками, однако в первой половине XIX в. они постепенно утрачивали прежний статус, сливались с сословием государственных крестьян, хотя и сохраняли некоторые прежние привилегии. Прочие иррегулярные войска — Грузинская дружина, Гурийская милиция, Дагестанский конно-иррегулярный полк — не обладали особой системой гражданского управления.

Сопоставление территорий, на которых проживали инородцы (кочевые и бродячие) и казаки, дает высокую степень совпадения — это губернии и области Сибири, Оренбургская, Астраханская и Ставропольская губернии. Контур, очерченный по границам этих регионов, дает представление о пространстве российского фронта с середины XIX в. в узком значении данного термина. Помимо названных регионов инородцы проживали также в Архангельской и Таврической губерниях и в землях Российско-Американской компании; а казаки (и приравненные к ним маафы) — в областях войск Донского и Черноморского, в Бессарабии (Дунайское войско), в Екатеринославской (Азовское войско), Саратовской (Астраханское войско), Пермской, Вятской и Самарской (Башкирское войско) губерниях и в Закавказье. Эти территории вместе с фронтом в узком значении дают представление о фронте в широком смысле.

Помимо инородцев и казаков маркером фронта (хотя и не столь отчетливым) могут служить специфические социальные группы, возникавшие вследствие особой специализации фронтальных территорий в экономике и системе управления страны. Первое. Колонизация, как правило, была вызвана поиском дефицитных ресурсов. К социальным группам, специализировавшимся на добыче таких ресурсов, можно отнести инородцев, обязанных платить ясака пушниной, мастеровых горнозаводских предприятий, солевозчиков и солеломщиков. Второе. Кроме того, государство использовало отдаленные районы страны как способ наказания, поэтому к дополнительным маркерам фронта можно отнести

также и ссыльных. Третье. Широко известно, что одной из важнейших особенностей регионов, очерченных в качестве фронта, применительно ко времени, которое предшествовало Великим реформам Александра II, было отсутствие или слабое распространение крепостного права. Но менее известно, что здесь существовали «особенные разряды ограниченного крепостного состояния»: купленные или выменянные на Оренбургской и Сибирской линиях дети калмыков и киргизов и их потомки; приобретенные шотландскими колонистами в Ставропольской губернии невольники из горцев-магометан или язычников; кавказские холопы (привезенные из-за границы невольники — арабы и негры), крепостные крестьяне, прикрепленные к горным заводам, которыми владели не дворяне (купцы и даже мещане) [6, ст. 996]. Однако все эти категории можно рассматривать только в качестве дополнительного критерия выделения фронтального пространства, т. к. большинство этих социальных групп имеют достаточно узкую локализацию. Общими для всех фронтальных пространств остаются только инородцы и казаки.

Итак, казаки (а также иные социальные группы, имеющие схожие функции) и инородцы могут рассматриваться в качестве достаточно надежных маркеров фронтальных пространств. На основании этих критериев можно очертить два контура фронтальных пространств России в 1850-х годов. Малый контур (территории, где присутствуют и инородцы, и казаки) охватывает Сибирь, Оренбургскую, Астраханскую и Ставропольскую губернии. Большой контур (территории, на которых локализована хотя бы одна из этих социальных групп) включает также Архангельскую, Вятскую, Пермскую, Самарскую, Саратовскую, Екатеринославскую губернии, Бессарабию, Закавказье и земли Русско-Американской компании.

В завершение надо отметить, что фронт подвиген. По мере того, как исчезает военная угроза; как проходит аккультурация туземных этнических групп, территория, являвшаяся фронтом, утрачивает свою хозяйственную и административную специфику. К середине XIX в. специфические черты пограничного района утратили Среднее Поволжье, черноземные губернии Центральной России, Малороссия. Хотя значительную долю в этих регионах составляло нерусское население, оно было отнесено законодателями не к «инородцам», а к «природным обывателям» и было включено в состав сословных групп, типичных для Центральной России, прежде всего — в состав государственных крестьян. То же самое

можно сказать о социальных группах, для которых война (еще сравнительно недавно) была частью образа жизни: это малороссийские казаки, однодворцы, ландмилиция, служилые татары. В скором времени та же участь постигнет Урал и Причерноморье — с ликвидацией в 1860-х гг. Башкирского, Азовского и Дунайского казачьих войск они утратят специфику фронтальных пространств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Фриз, Г. *Сословная парадигма и социальная история России [Текст]* / Г. Фриз // *Американская русистика: Вехи историографии послед. лет. Импер. период: Антология.* — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. — С. 121–162.
2. Кеппен, П. *Девятая ревизия [Текст]: Исслед. о числе жителей в России в 1851 г. Петра Кеппена, д. чл. Импер. Акад. наук, д-ра филологии, магистра правоведения и чл. разн. учен. о-в.* / П.И. Кеппен. — СПб.: тип. Импер. Акад. наук, 1857. — 298 с.
3. Шумкин, Г.Н., Шумкина, Т.Г. *Социальные ландшафты Российской империи в середине XIX века [Текст]* / Г.Н. Шумкин, Т.Г. Шумкина // *Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории: сб. науч. и учебно-методических трудов.* — Вып. 19: *Исторический опыт межкультурного диалога.* — Екатеринбург: УрГПУ, 2017. — С. 317–328.
4. Зубков, К.И. *Фронт как исследовательская парадигма [Текст]* / К.И. Зубков // *Урал. ист. вестник.* — 2018. — № 4 (61). — С. 63–71.
5. Побережников, И.В. *Фронтальная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации [Текст]* / И.В. Побережников // *Урал. ист. вестник.* — 2018. — № 4 (61). — С. 72–80.
6. *О разных родах состояний и различии прав им присвоенных [Текст]* // *Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Первого составленный: в 15 т. Т. IX: Законы о состояниях.* — СПб.: Тип. Второго отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1857.
7. *Учреждение управления инородцев [Текст]* // *Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Первого составленный: в 15 т. Т. II. Ч. 2: Особенности губернские учреждения.* — СПб.: Тип. Второго отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1857.
8. *Свод законов Российской Империи [Текст], повелением государя императора Николая Первого составленный: в 15 т. Т. III: Свод уставов о службе гражданской.* — СПб.: Тип. Второго отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1857.

G.N. Shumkin

Features of the Class Structure of the Frontier of the Russian Empire in the Middle of the XIX Century

Shumkin Georgy Nikolaevitch, Candidate of Sciences in History, Senior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg; e-mail: shumk@mail.ru.

Abstract. *The paper attempts to highlight the specifics of the social and legal structure of the frontier territories of Russia in the middle of the XIX century. It is concluded that the Cossacks and inorodtsy can be considered as sufficiently reliable markers of the frontier. The boundaries of frontier territories are determined by the localization of these social groups.*

Keywords: *frontier, social groups, Russia, Cossacks, inorodtsy.*

УДК 94(470.5+57)

А.П. ЯРКОВ¹

МУСУЛЬМАНЕ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТАХ (XVI–XIX века)

Аннотация. *Автор в статье рассматривает вопрос о преодолении административных границ через преодоление этнокультурных различий между живущими по обе стороны Уральских гор группами мусульман. Анализируемый период — с XVI по XIX в. — характеризуется как завершением этнических процессов среди тюркского и угорского населения (объектов изучения), так и формированием конфессионально ориентированного сознания. Яркое проявившаяся (иногда стимулированная реформами) в этот период общность мусульман Урала и Сибири продолжает оставаться «фундаментом» в их современных отношениях, объединяемых приверженностью к традиционному исламу и неприятию радикализма, разрушающего умы и умму.*

Ключевые слова: *Урал и Сибирь, XVI–XIX в., административные и политические границы, этнокультурные контакты.*

Уральские горы, сток рек на запад или на восток — не разграничение на европейскую и азиатскую культуры. Эта зона активных

¹ Ярков Александр Павлович — д-р ист. наук, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень; e-mail: ayarkov@rambler.ru.

взаимосвязанных процессов, где «строительство» и оформление этнорелигиозного сознания проходило с различной длительностью и связано с многими первичными (в рамках континентальной истории) и вторичными (на уровне микрогруппы) факторами.

Только при В.Н. Татищеве утвердилось представление об Урале как границе Европы и Азии: в 1708 г. при определении территории Сибирской губернии ее западная граница проходила у Вятки (лишь в 1727 г. исключили Вятскую и Соликамскую провинции). К Сибири до 1920 г. административно относился и Северный Казахстан, где татары и башкиры играли активную роль в жизни создаваемых ими приходов, включая кочевников в орбиту исламской цивилизации.

В рассматриваемый период основными приверженцами ислама в этом пространстве являлись башкиры, татары — казанские и сибирские (с включением угорской составной), казахи, мишари и тептяри, где (у части из них) еще не завершился процесс формирования этно-сознания. Да и в статистических документах в дореволюционные годы (как и в первое десятилетие советской власти) фигурировали этнически неопределенные «татаробашкиры» и «киргизы», использующие «татарский», «тюрко-татарский» или «киргизский» языки. А вот конфессионим у тюрков был четким — магометане или кряшены. Но и по этой позиции шла борьба. Как заметила С.Ю. Белорусова: «...этничность нагайбаков подогревалась соперничеством за их умы и души между православными и мусульманскими миссионерами. Те и другие убеждали нагайбаков в их особенности: православные просветители настаивали на их отличии от татар-мусульман (родственных по языку), а мусульманские — на их отличии от русских казаков» [1, с. 52].

В древности по просторам Дешт-и-Кипчака кочевали тюркские и угорские племена, свободно пересекая Уральские горы. Здесь находится часть этнических «корней» многих современных этносов Европы и Азии, что нашло отражение и в языке. Например, «башкурт» выступал в ряде случаев как название тугума для кочевого населения [2]. Да и современные татары этого региона происходят от различных групп: казанских и сибирских татар, башкир, угров и других. И, как следствие, иногда разделялись на две общины, даже живя в одном селении.

Природно-хозяйственные условия повлияли на обрядовую составную мировоззренческих представлений. Например, башкирские племена Месягутовской лесостепи даже в похоронных обрядах «по-мусульмански» отражали архаичные установки [3].